

УДК 124.5

ВАЛЮАТИВНЫЙ АНАЛИЗ В МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ АРСЕНАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Коротченко Ю. М.

Аннотация: *раскрывается методологический потенциал валюативного анализа как исследования коллективного сознания, централизованного особой смысловой целостностью, задаваемой матрицей оценочной интерпретации (валюативом). Данная матрица определена как модель интерпретационной активности коллективного социального субъекта. Особое внимание уделено языку, на котором публично «говорит» субъект коллективного сознания, задан синтаксис такого языка, осуществлено аналитическое расщепление самих оценок и их объектов, в то время как для субъекта валюатива эти объекты, подчеркивается автором, не мыслятся отдельно от оценок в валюативе. Семантика и прагматика валюативного языка задает правила оценочной интерпретации, и эти правила связывают оценки с объектами оценивания. Определена коммуникативная функция валюатива. Отмечается разрушительный потенциал полярности оценок в составе одного общества. Проанализирован валюатив крымчанина как пример поливалюативного смыслового и коммуникативного пространства, референтный для российского социума в целом.*

Ключевые слова: *коллективное сознание, оценочная интерпретация, валюативная матрица, валюатив крымчанина, поливалюативный социум.*

Общество как предмет рефлексии удобно для реализации методологических тенденций в современном философском знании как таковом. Настойчивое обращение к проблематике субъективности, бурное развитие философии сознания, погружение все более широкого круга тематических разысканий в сферу исследования феномена смысла стимулирует поиски методов исследования общества как условия и в значительной степени продукта интерпретационной активности субъекта. Каков же он – субъект интерпретации социального? Это индивид или коллективный субъект – социальная общность? Насколько важен ответ на этот вопрос с точки зрения понимания исторической значимости интерпретационных процессов? Как проявляет себя интерпретационная активность, каковы ее результаты – как актуальные, так и потенциальные? Возможно ли аналитическое структурирование содержания сознания субъекта интерпретации социального, а если да, то на какие элементы? Если идет речь об интерпретации, то правомочным является также и вопрос о языке, на котором мыслит и говорит субъект интерпретации. Каков он – язык субъекта социально-оценочной интерпретации? Существуют ли социальные объекты в абстрагировании от возможности и факта их интерпретации субъектом? Каковы основания и последствия интерпретационных совпадений и различий? Каков коммуникативный потенциал оценочно-интерпретационных процессов? Ка-

ков он – интерпретационный Другой? Как можно специфицировать сформулированные выше вопросы относительно региональных обществ России?

Для нас здесь интерес представляет социальный субъект как субъект сознания с особым содержанием. Это сознание активно – оно интенционально оценочно, всегда нацелено на объект интерпретации. Этот объект может быть любым: бытовые явления, предметы потребления, жизнь селебрити, например. Но он может быть и объектом, осмысление которого некими «Мы» влияет и на социальную структуру общества, и на общественно значимые процессы вплоть до хода истории (от скандалов по типу «Уотергейта» до социальных революций и побед или поражений в мировых войнах). И тогда это «Мы» не может быть отнесено к сверхмобильным солидарностям соцсетей на период «актуальности» поста на обыденную тематику. Это «Мы» со своим исторически сформированным фундаментом и со своей исторической перспективой, надындивидуальный социокультурный субъект, и его сознание нацелено на объект, который составляют исторические личности, лидеры общественных движений; общественно значимые действия людей и их социальных объединений; это социальные явления, институты, события и процессы; это то, в чем вышеперечисленные объекты репрезентируются: языковые практики, художественные образы, системы идей и идеалов. К общерефлексивным основаниям и для обнаружения такого субъекта в социокультурной среде, и для конструирования его образа, можно отнести фундаментальные социологические теории социального действия М. Вебера и Т. Парсонса, теорию двух видов солидарности Э. Дюркгейма, концепцию социального пространства, расчерченного на территории социального капитала П. Бурдьё, сильную программу культурсоциологии Дж. Александера, понимание социального действия как осмысленного и аналогичного тексту в герменевтике П. Рикера, разыскания аналитических философов (обращение к наблюдаемому, эксплицируемому, к проблематике языка как модели поведения, точность и эксплицитность дефиниций и т.п.) – как к рефлексии особого типа, феноменологическую традицию от Э. Гуссерля [1] до ее социально-онтологических аппликаций Г. Зиммелем [2], А. Шютцем [3], П. Бергером и Т. Лукманом [4], Б. Вальденфельсом [5].

Никакие социальные объекты прошлого, настоящего или будущего в высказываниях и поведении коллективного субъекта не оказываются нейтральными. Люди делятся на героев, мучеников и врагов; их действия – на подвиги, преступления, разрешенные, запретные, обязательные, т.е., на соответствующие и не соответствующие неким нормам; социальные процессы и структуры – на приносящие благо и не приемлемые как антиблаго, т.е., на принадлежащие и отвергаемые принимаемой системой ценностей; герои, мученики, враги, нормы, ценности репрезентируются в особом языке – оценочно-модальном, в художественном творчестве, идеологии. Для субъекта некоторого коллективного сознания социальные объекты существуют как нерасторжимые с их оценками согласно некоторой системе, причем именно такой, какая в своей целокупности сформировала именно это коллективное сознание и никакое другое. Феномен совпадения у разных индивидов оценок одних и тех же фрагментов социальной реальности относится к наблюдаемым в обществе. Он обнаруживает себя в публичных высказываниях и действиях даже если и

отдельных людей, то при этом от имени «Мы». Это высказывания и действия с интенцией приглашения к согласию с содержанием таких высказываний и с необходимостью совершать такие же действия – к поддержке и пополнению этого «Мы». Однако к наблюдаемым феноменам жизни общества относится также несовпадение связи между фрагментами социальной реальности и их оценками разными «Мы»: не редки случаи, когда одна и та же оценка, например герой, связывается в некотором коллективном сознании с личностью, которая в другом коллективном сознании оценивается как враг. В таком случае коммуникативный универсум социума поляризуется, конфликт социальных интерпретаций несет в себе разрушительный потенциал огромной силы, что мы видим на примере современной Украины в региональном масштабе и в масштабе глобальном – на примере противостояния России и коллективного Запада. В связи с этим, представляется целесообразным аналитическое расщепление объекта оценки и самой оценки, выявление типовых оценок, объединение их в некоторую структуру, служащую моделью интерпретационной активности коллективного сознания.

В [6, с. 36] была получена интерпретационная матрица, позволяющая эксплицировать оценочное содержание сознания коллективного субъекта. Мы назвали эту матрицу валюативом и наделили ее следующими идентификационными показателями:

- персонификаторы коллективного субъекта: герои, мученики, враги;
- нормы;
- ценности;
- формы репрезентации: язык, художественное творчество, идеология.

Но пока это только абстрактная, нефиксированная модель. Она становится фиксированной, когда заданы правила интерпретации – правила связывания имен оценок с элементами социальной реальности. Как возможна экспликация этих правил? Очевидно, что из публичной риторики от лица некоторых социальных «Мы». Эта риторика репрезентирована в публичных текстах. Текст особого рода становится эмпирией социального исследования как пространство смысла социального действия, как зона самовоспроизводства общества в субъектной структуре, поскольку социум воспроизводится так, как его интерпретируют различные «Мы». Уместно назвать такой текст валюативным. Его появление в публичной сфере всегда связано с социально значимыми обстоятельствами: годовщинами исторических событий, резонансными событиями, происходящими непосредственно, предвыборными кампаниями и самими выборами, появлением текстов от лица других «Мы» и т.п. Такой текст включает высказывания с особой структурой – $\langle v; f \rangle$, обнаружение которой как раз и позволяет эксплицитно расщепить собственно оценку и ее объект. В этой структуре элемент f – объект оценки, а v – элемент синтаксиса языка валюатива. Их связь формирует высказывание коллективного субъекта на языке валюатива этого субъекта – своего рода, конкретно-валюативное определение некоторого социального объекта. На этой основе могут быть составлены валюативные толковые словари. Анализ валюативного языка на уровне экспликации его синтаксиса в рамках социально-философского исследования основывается, во-первых, ориентацией последнего на субъектную составляющую

общественной жизни, а во-вторых, – на раскрытие смыслов социальной жизни исходя из текстов, которые социальные субъекты создают именно на этом особом языке. Именно элемент *v* делает высказывание валлоативным. Что он представляет собой? В вербальной части это некие лексические маркеры, выражения и грамматические структуры естественного языка с оценочной семантикой. В этом смысле, валлоативный язык содержит в себе некий субъязык естественного языка. Тогда в построении валлоативного языка возможны две стратегии.

Во-первых, можно построить некоторый семантически «тощий» язык, который бы содержал только маркеры и был бы лишь синтаксисом. Объектную *f* выполняли бы выражения из любых других сфер, потенциально данных. Валлоативный искусственный язык тогда становится своеобразной дополнительной одеждой, набрасываемой на внешнюю валлоативу реальность. Во-вторых, существует возможность, опять-таки на основе имеющейся совокупности валлоативных языковых маркеров, абстрагировать формально-языковую структуру актуально присутствующих валлоативных текстов. В этом случае мы получим множество семантически и даже прагматически богатых, но уже специальных языков – языков конкретных валлоативов.

Обе стратегии представляются эффективными, более того, для нас выглядит последовательным реализовать сначала первую как теоретическую возможность, акцентируя внимание на собственно валлоативных маркерах, а затем – вторую как прикладной вариант. Для реализации первой стратегии важнейшим оказывается вопрос о структуре валлоативного высказывания.

Зададим алфавит *v*-части валлоативного языка в общем виде применительно к русскому языку, валлоативный фрагмент которого обозначим как Rusval.

В этот словарь входят:

1. Валлоативные модальные операторы:

1.1. непосредственно имена строчек валлоативной матрицы: «герой», «враг», «мученик», «норма», «ценность», «язык», «художественное творчество», «идеология»;

1.2. нормативные, оценочные, аксиологические и этические и эстетические и идеологические операторы, соответственно: «запрещено», «разрешено», «преступление», «подвиг»; «плохо», «хорошо», «позитивно», «негативно», «оптимально», «эффективно»; «благо», «ценность»; «нужно», «ненужно»; «добро», «зло», «нравственно», «безнравственно», «правильно», «неправильно»; «художественно ценно», «художественно неверно», «прекрасно», «безобразно»; «идеологически верно», «идеологически неверно» и их возможные синонимы;

2. Валлоативные операции:

2.1. операции использования отрицательных частиц, а также аффиксации с префиксами и суффиксами, сообщающими дополнительные валлоативные градации корневым элементам слова: отрицательные префиксы, суффиксы с оценочной семантикой, отрицательные частицы;

2.2. операция ударения с функцией ударения выделять отдельно взятый фрагмент высказывания как особо значимый;

2.3. операция написания особым шрифтом фрагментов высказывания, имеющих ту или иную валлоативную значимость;

3. технические знаки: знаки пунктуации (вопросительный знак может выражать сомнение в принадлежности валлоативу, восклицательный – эмоциональную наполненность, равнодушие и т.д.).

Все грамматические свойства валлоативных элементов заимствуются валлоативным языком из языка естественного. Элементы алфавита v -части языка Rusval подчиняются, например, грамматике русского языка и выполняют все полагающиеся функции в предложениях. Среди этих функций мы выделяем одну, а именно – валлоативную, делающую язык языком валлоатива. Еще раз подчеркнем, что аксиологичность есть лишь частный аспект валлоатива, разновидность внутри более богатого класса модальностей, включающего все многообразие валлоативных характеристик. В связи с вопросом о специфической структуре валлоативного высказывания возникает и столь же важный вопрос об их истинности. Представляется, что при учете эксплицированной структуры валлоативного высказывания может более корректно рассматриваться вопрос об их истинности или ложности. Во-первых, истинной или ложной может быть фактическая часть высказывания, если валлоативный оператор применяется к целому фактическому. Но тогда снимается сама проблема истинности именно валлоативного высказывания. Как вообще в логике определяется значение правильно построенного высказывания – формулы? Формулы могут быть всегда истинными, всегда ложными, выполнимыми в зависимости, например, от принимаемых в таблице значений. Функцию подобной таблицы задает валлоативная матрица конкретного валлоатива как некоторая фиксированная модель. В ней заданы исходные значения: определены имена героев, мучеников и врагов, перечислены нормы, ценности, сформулированы идеологические императивы. Согласованность с определениями, заданными валлоативной матрицей отдельно взятого валлоатива, сделает высказывание истинным в данной матрице или ложным в ней. Например, пропозициональная функция « X – герой» будет превращаться в истинное высказывание в зависимости от того, включены ли подставляемые в нее имена в множество имен героев в данной матрице или нет. Поэтому можно говорить о валлоативной истинности как выполнимости в матрице валлоатива, но при этом, подчеркнем, речь идет не об объективном положении дел, а о «валлоативной правде». Это не просто выполнимые валлоативные высказывания – они выполняются, т.е. соответствуют правилам приписывания ярлыков, хотя бы в одной ячейке валлоативной матрицы. Выполнимость во всех ячейках можно тогда определять как валлоативную общезначимость. Специально валлоативных логических семантик мы не встречали, хотя этот вопрос и представляет, на наш взгляд, большой прикладной, в частности, правоведческий, интерес. Отметим, что в законодательстве речь идет только об оценочных модальностях, представляющих частный случай валлоативных. Однако с точки зрения предлагаемой структуры валлоативного высказывания становится ясным, что мигающая истинность или ложность такого высказывания определяется субъективным состоянием, за которое нельзя уголовно наказывать. Связанным с вопросами об истинностном статусе валлоативных суждений и об их логической структуре является вопрос о

свойства ложных сообщений, их возможном валлоативном статусе и важности их распознавания в социальной коммуникации. Изучение ложных сообщений является сегодня актуальным вследствие широкого их распространения в сфере социальной коммуникации. Создание текстов, в которых сочетаются очевидные истины, вероятностные прогнозы, непосредственно не проверяемые интерпретации прошлого, сегодня является неотъемлемой составляющей рекламных, политических и иных коммуникационных технологий. Особую актуальность проблема разграничения истины, лжи и их разновидностей в такого рода комплексном сообщении приобретает в трансформационном, заведомо конфликтном, социуме, в котором столкновение противоречивых валлоативных характеристик может вызвать критические последствия. Теоретический же аспект актуальности данной проблематики состоит в необходимости дифференцировать содержательно разные термины лжи и обмана, выявлении коммуникативных механизмов достижения эффекта обмана и экспликации валлоативной составляющей обмана.

Интуитивно кажется ясным, что такое ложь. Но все ли ложные сообщения одинаковы? Например, есть ли разница между высказываниями «Волга впадает в Тихий океан» и «Если бы не гений Сталина, СССР не выиграл бы войну с фашистской Германией» или «дважды два – восемь» и «Вступайте в нашу торговую сеть, платите взнос и станете миллионером»? Одинаковы ли здесь механизмы выявления ложности, степень выраженности субъективной составляющей смысла, наконец, сферы реализации последствий того, что в эту ложь поверят, и т.п.?

Для нас представляет интерес рассмотреть такую разновидность ложных сообщений, которая влияет на формирование валлоативной модели адресатами этих сообщений и, таким образом, навязывает некоторые перспективы поведения адресатов, делая, его в известной степени, предсказуемым для адресанта.

Представляется, что ложным является такое сообщение, содержание которого не соответствует реальности (искажает, противоречит проверенным и закрепленным в документах, например, данным). Если сделать такое сообщение средством выражения и навязывания оценки, то, очевидно, фактическая сторона окажется предельно минимизированной и полностью подчиниться валлоативной. В этом классе, в свою очередь, можно выделить, по крайней мере, следующие подклассы. Один из них включает валлоативные высказывания, в которых вырожденность фактической стороны оправдана, более того, имеет непреходящую важность для человечества. Имеются в виду суждения гуманитарного дискурса и сообщения, порождаемые культурой. Реальность культуры – это реальность воображения, представления, ее тексты принципиально не сводятся к области денотатов и являются самооценными. С категорией оценки, как известно, связывает эту специфику сообщений культуры Г. Риккерт. То, что принято называть гуманитарными науками, Риккерт как раз и называет науками о культуре. Трудно себе представить предложение «Хорошо, что сила тока измеряется амперметром» и при этом совершенно «естественным» выглядит высказывание: «"Братья Карамазовы" – хороший роман». Однако среди валлоативных высказываний с вырожденной фактической компонентой есть такие, в которых это вырождение носит умышленный характер, т.е., фактическая сторона есть, кому-то известна

и намеренно скрывается. Есть оценочные высказывания, в которых информативная сторона не то чтобы нивелируется в той или иной степени, но «откладывается на будущее». То есть, денотаты используемых имен якобы должны возникнуть (предсказания конца света, наступления коммунизма, эры процветания в случае избрания того или иного претендента на какой-либо пост и пр.). В первом случае речь идет об обмане актуальном, во втором – о заведомо или незаведомо ложных обещаниях, которые можно охарактеризовать как возможный обман. И в том, и в другом прецеденте должна создаваться видимость правды – полного представления – будущей – фактической стороны в структуре оценочного рассуждения, иллюзия адекватности навязываемой оценки. Очевидно, что обман предполагает наличие адресанта (сообщающего ложь), адресата («жертву обмана»), средства обмана (знаковый ряд – в нашем случае – оценочное рассуждение). Перечисленные компоненты свидетельствуют о принадлежности обмана как особой разновидности ложного сообщения в сфере коммуникации и позволяют трактовать его как средство целенаправленного воздействия на сознание и поведение адресата. Покажем, в чем особенности коммуникационного механизма выработки валлоативной интерпретации на основе обманного сообщения, принимая во внимание двойственную структуру валлоативного суждения. Обман является таковым только для адресата, адресант же знает истину и намеренно ее искажает. Таким образом, для адресанта есть как бы два сообщения: явное, искажающее реальность, и скрытое, которое не должен знать адресат и которое составляет истину. То есть, так называемая целевая аудитория должна обладать минимальной, а лучше нулевой, информацией о том, что сообщается. Это создает невозможность полной верификации информации. Тогда можно выйти из рациональной сферы в иррациональную, в сферу чувств, а именно – доверия и надежды. Теперь обратимся к собственно валлоативной составляющей сообщения. Со стороны адресанта навязываются определенные желаемые валлоативные смыслы. При этом адресат уже обладает спектром таких смыслов, составляющих его отношение к содержанию высказывания. Эта валлоативная семантика может полностью совпадать с желаемыми смыслами, полностью не совпадать с ними, совпадать частично. Задача адресанта: в двух последних случаях – откорректировать наличествующие у адресата оценки в сторону желаемых совпадений, а в первом – не изменить и закрепить. Идеально для адресанта достижение полного соответствия связей валлоативных модальностей и объектов оценки адресата преследуемым, в конечном счете, отправителем сообщения интересам. Итак, в «обманной коммуникации» всегда присутствуют скрытые интересы адресанта, явное сообщение, искажающее реальное положение дел (актуально или в перспективе) и валлоативная реакция, навязываемая адресату (негативная – не поверит, будет плохо, поверит – очень хорошо). Отметим, что, в отличие от истинных сообщений, «обманные», в особенности, адресуемые к массовому сознанию, нуждаются в особом семиотическом антураже. Имеются в виду аудио- визуально-имиджевые и т.п. суггестивной направленности мультимодальные социально-семиотические эффекты.

Ложность, таким образом, – неоднородна. Среди всего разнообразия выделяемы сообщения, намеренно скрывающие истину. Именно они представляют собой средство манипулирования сознанием и поведением адресата. Такие сообщения носят выражен-

но валлоативный характер в силу своей побудительной интенции, влияют на формирование субъективного, иррационального по своей природе, эмоционально окрашенного отношения к содержанию сообщения, в отличие от, например, научных заблуждений или ошибок, и могут быть охарактеризованы как обман. В структуре такого сообщения валлоативная сторона превалирует над информационной, последняя же или в принципе не проверяема (когда сообщение содержит пустые имена) или проверяема частично, или только в будущем, в то время как валлоативная реакция формируется уже в процессе непосредственного восприятия сообщения. В связи с выделенными валлоативными характеристиками ложных сообщений имеет смысл определить критерии ложности в валлоативной матрице. Представляет интерес также вопрос о специфике обмана внутри валлоатива: она состоит, прежде всего, в том, что заранее предполагается «правдивость» высказываний, выполняющих строчки валлоативной матрицы. «Обманывать» могут лишь необщезначимые в валлоативной матрице высказывания, если они не выполняют какие-то строчки этой матрицы. Но в этом случае, в случае ложности, они и не принадлежат валлоативу. В этом смысле в валлоативе нет обмана: валлоатив «не даст соврать». Но ведь валлоатив может основываться на утверждениях непроверяемого характера, заведомо ложных, опровергаемых научно, эмпирически, исторически и т.п. Так случилось, например, с валлоативом немецкого нацизма, центрированного на идеологической компоненте матрицы, конкретнее – на идее естественного превосходства немецкой нации над остальными. Это происходит сегодня, в современную эпоху, для удобства оправдания лжи названную эпохой постправды. Существенно упрощают механизм обмана современные цифровые технологии: в беспрецедентно короткие промежутки времени информацией охватывается беспрецедентно большое количество адресатов, а проверить эту информацию можно только после ее поступления в медиасферу. Однако наличие v-компонента в риторике, формирующей информацию, должно быть сигналом для верификации у критически мыслящего адресата. Валлоатив может быть ложным на метауровне, он может обмануть, он может быть опасным в этих своих качествах. Таким образом, валлоатив, в особенности, если он несет в себе тенденцию к тоталитаризму, нуждается в обосновании с точки зрения науки, опыта, независимой правовой экспертизы извне. Анализ языка конкретного валлоатива на семантическом и прагматическом уровнях, в его фиксированной модели, языка, в высказываниях которого связываются имена оценок и их объекты, обладает значительным эвристическим потенциалом для прояснения сущности оценочной интерпретации социального. И первый шаг к такому прояснению состоит в расщеплении собственно оценки и ее объекта.

Вернемся к вопросу об интерпретационной неоднородности социума. Он относится к проблематике состава его коммуникативного универсума. Выше отмечался разрушительный потенциал полярных интерпретаций внутри одного общества и в масштабе человечества в целом. Представляет интерес в этой связи также рассмотреть интерпретационное поле поливаллоативных обществ – таких, как, например, российское, причем в фокусе его же поливаллоативных регионов. Предлагаем здесь остановиться на валлоативе крымчанина как смысловом средоточии крымского социума.

Со времен Вебера известно, что социальное действие не бывает бессмысленным, а

также оно не бывает без Другого. Социум, с его неустранимой субъектной прошивкой, нерасторжимой взаимной интегрированностью его сегментов, с принципиальной, в связи с вышеперечисленным, нелинейностью причинно-следственных зависимостей, реконструирует себя в интерпретационной активности своих субъектов – наследников, творцов, трансляторов некоторой целокупности смыслов социальной жизни независимо от масштаба социального субъекта – от индивида до цивилизаций и человечества в целом. Живя в Крыму, невозможно не заметить ни самой этой смысловой наполненности жизни крымского общества, ни его смысловой динамики в течение последнего десятилетия, ни региональной специфики смысловой сферы в крымском обществе. Субъектное наполнение нашего социума этнически, культурно, в религиозном отношении – социокультурно в целом, – чрезвычайно неоднородно и сегодня в особенности подвержено атакам информационного толка или атакам в виде непосредственных действий, которые, по задумке тех, кто их разрабатывает, должны привести к размыванию оснований общественного согласия в Крыму. И здесь нельзя недооценивать именно смысловой фактор. Но какая смысловая целостность может объединить такое количество Других друг другу крупных социальных субъектов, заполняющих коммуникативный универсум крымского социума? Это, конечно, должна быть такая целостность, которая бы формировала, в свою очередь, некоего целокупного социального субъекта, включающего многие Я крымского общества. Она поэтому не может быть рождена в результате победы какого-нибудь одного Я этого общества над его Другими Я и в ущерб им. Например, этим Я не может быть какой-то народ только с его культурой и ее логикой. Самое примиренческое название для этого Я – «крымчанин». В 2014 году в сети появилась версия ответа на популярный тогда вопрос. Это был ответ крымчанина: «Крым мой». И этот человек никак не обнаружил свою национальную, религиозную и т.п. принадлежность. Итак, крымчанин как субъектная целостность нашего общества. Субъектная – значит, смысловая. Центрированная валюативным смыслом, связывающим эти многие крымские Я. Собственно, валюатив крымчанина был и до 2014 года. Но не явно, а, скорее, как нечто подразумеваемое в приемлемой для государства форме. Отдельные его стороны оставались как будто в тени, были неудобным предметом для обсуждения и для встраивания в общегосударственную валюативную матрицу. Герои, мученики, враги, язык и идеология общегосударственного валюатива Украины уж точно не включали «поправки» относительно крымской специфики. Этот валюативный раскол центра и крымской периферии дестабилизировал коммуникативное пространство и украинского общества в целом, и крымского в частности. Это в полной мере обнаружило себя в 2014 году: значительный отток крымскотатарского и украинского населения Крыма, действия лидеров Меджлиса (запрещен в России), кровно-родственные связи тех, кто выбрал остаться в Крыму, с теми, кто уехал, при огромном значении этих связей в традициях крымских татар (большая семья), значимость для них коллективных представлений – от социальных норм до религии, – детерминирующая невозможность идти против Своих; даже если они ошибаются или если они могут быть виноваты – они будут оправданы своей социальной общностью и т.д. Однако последующие события – санкции, известная фи-

нансовая, торговая изоляция Крыма и международного масштаба, и внутрисоссийского тоже (банки, торговые Сети, мобильные операторы), водная блокада, проблемы с доставкой грузов до начала работы Крымского моста и сейчас в связи с терактами, взрывы ЛЭП зимой 2015 – 2016 гг., набирающая обороты русофобия со стороны Украины и субъекта, называемого коллективным Западом, – эти обстоятельства своеобразной обособленности Крыма в его новейшей истории, наряду с теми, которые длительное время формировались культурно-исторически, стимулировали самосознание крымского общества – как на уровне принимаемых федеральных и региональных политических документов, так и на уровне осмысляющей активности коллективных субъектов социальной коммуникации в сторону поиска пути преодоления интерпретационных разломов.

Собственно, приступим к валюативу крымчанина.

Он ценностноцентричен. И это не абстрактная ценность, «спущенная» сверху. Это ценность мирной жизни в нашем местоположении – южном, приморском, дышащем своей историей, сплетающей судьбы выдающихся мыслителей, поэтов, художников, ученых, живших в разных государствах на протяжении крымской истории и в исторические периоды, так по-разному переживаемые социокультурными субъектами Крыма в том числе и в настоящее время. Тогда герои – те, кто эту ценность обосновывал, культивировал, воспевал в своем творчестве, защищал и, как очевидно, сейчас защищает в непосредственно военном отношении. Среди них знаковые фигуры, в т.ч. коллективные: Гаспринский, Пушкин, Айвазовский, Толстой, герои Эльтигенского десанта, группа «Сокол», защитники Севастополя во всех его оборонах, крымский татарин Амет-хан Султан, снайпер украинка Людмила Павлюченко, современные герои – ополченцы 2014 года, строители Крымского моста, те, кто воюет сейчас, участвуя в очень непростых боях на рубежах РФ со стороны украинской границы, военкоры, ведущие репортажи о положении дел на подступах к этим рубежам, собственно, те, кто воюет – их портреты размещаются на улицах Крымских населенных пунктов, в скверах, на площадях и вдоль дорог. Враги – те, кто угрожает лишить нас этой ценности. В крайней форме – это носители идеологии экстремизма, люди, осуществляющие террористические акции, те, кто лоббирует интересы какой-то одной социальной общности, при этом исключая и существенно снижая границы политической, социокультурной активности другой или даже других. Крымская специфика здесь содержит угрозы по части и украинского национализма с идеалами последнего майдана, и по карте коренного народа, «подогревающей» центробежные, антироссийские ресентиментальные настроения среди крымскотатарского населения, и по части ресентиментально окрашенной ностальгии по Османскому владычеству в горных и прибрежных районах с одновременно присутствовавшим на остальной территории полуострова Крымским ханством. Ностальгия в ресентиментальных тонах здесь связана с исторической памятью об утрате крымскотатарским народом, населявшим Крымское ханство, связи со всемирной мусульманской уммой и об отбрасывании его на религиозную периферию в качестве иноверцев в православной Российской империи после решающей победы над Османской империей в войне за Крым. Нельзя исключать и смысловой угрозы со стороны

культивируемой, но односторонне, исторической памяти о господстве Российской империи на территории Крыма, о культурной, религиозной, языковой, социальной и политической изоляции национальных меньшинств Крыма в этот исторический период. А чего стоит нарратив крымскотатарского коллаборационизма и депортации, конечно, несколько снизивший темп своей внутренней пульсации, стимулированной антироссийскими политическими силами, но в дискуссиях в социальных сетях еще возобновляющийся накануне 18 мая. Значительна в этой связи роль Указа Президента РФ №268 от 21.04.2014 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымскотатарского и немецкого народов и господдержке их возрождения и развития». Уже в 2023 году прозвучали призывы в том числе и со стороны руководства Республики Крым, именно к переосмыслению событий, связанных с депортацией крымских татар. Нет сомнения в том, что это переосмысление эффективно не может быть осуществлено вне изучения оснований логики этой культурной компоненты, неотъемлемой от общекрымского социокультурного ландшафта. Нормативное наполнение нашего валюатива: традиционное, обрядовое, фестивальное, религиозное и т.п. многообразие нормально, если не нарушаются базовые права человека и законы РФ. Ценность была названа выше. И она также восходит к многообразию субъектов – Других, но совпадающих в том, как они дорожат этой ценностью – той же, но иначе. Это «иначе» должно стать предметом тотальной просветительской деятельности – от детских дошкольных учреждений до университетов, от детской литературы до публицистики, от популяризации художественных образов до плакатной живописи. При всем социокультурном многообразии Крыма, при всей неоднородности смыслового поля в коммуникативном универсуме нашего общества, при всей настойчивости и изощренности попыток углубления этой неоднородности как извне, так и изнутри, само это многообразие на фоне событий, протекающих в настоящее время в отдалении от России, а также и в непосредственной близости к ней, в самой России и, в частности, Крыму, – обращает нас к плодотворности философии всечеловеческого. Именно идеология, в основе которой лежала бы рефлексия, заложенная в этой философии, – с ее интенцией не просто терпимости к Другому, но с ее полаганием Другого, Других, с несомненностью равенства Других культур на основе поиска того же иначе, с пониманием ущербности слепоты в отношении Другого, – именно такая идеология могла бы обосновать валюатив крымчанина как целокупного субъекта нашего общества. Это региональный уровень. Но Россия – поливалюативна. Региональные валюативы вкладываются в общероссийский. А в мировом масштабе такая оптика выводит нас к идее многополярного, т.е., всечеловеческого мира. Идеология, выстраиваемая на рефлексивных основаниях философии всечеловеческого, объясняет и пантеон героев, и, соответственно, задает горизонты видения антигероев – врагов. И далее по всей валюативной матрице – нормальное и аномальное, подвиги и преступления; ценное и не приемлемое; язык, семантика и прагматика которого содержат именно такие, а не иные связи между именами оценок и собственно их объектов; художественное творчество, воплощающее эти связи в художественных образах. Как предмет социально-философской рефлексии валюатив поливалюативного социума и его отдельных локаций раскрывается в категориальном ряду, который полагает философия всечеловече-

ского с ее в хорошем смысле идеологическим потенциалом и который позволяет увидеть предмет рефлексии как целостность, неразрывную с субъектностью, разворачивающуюся в своих отдельных аспектах так, что никакой из них не может быть полно понят вне этой целостности, а она – без какого-то из своих аспектов, и наконец, таким образом, собирающуюся, непрерывно реконструирующую себя как осмысляющее себя и мир (миры) человека (людей) целое, не теряющую ни одного «иначе», но относительно «того же».

Список литературы

1. Гуссерль Э. Картезианские медитации // Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). С. 377-442.
2. Зиммель Г. Экскурс о чужаке / Пер. А.Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 7-13.
3. Шютц А. Чужой. Очерк социальной психологии // Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Науч. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 191-206.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-Центр, Медиум, 1995.
5. Вальденфельс Б. Ответ Чужому: основные черты респонзивной феноменологии // Мотив чужого: Сб. пер. с нем. / Научный ред. А. А. Михайлов; отв. ред. Т. В. Щитцова. Мн.: ПроPILEI, 1999. С. 123-140.
6. Коротченко Ю.М. Валюативные модели социального: герои и ценности. М.: ИНФРА-М, 2018.

Сведения об авторе

Коротченко Юлия Михайловна – доктор философских наук, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского.

Korotchenko Y. M.

VALUATIVE ANALYSIS IN THE METHODOLOGICAL ARSENAL OF SOCIAL PHILOSOPHY

Abstract: It is revealed the methodological potential of valuative analysis as a studying the collective consciousness centered on a special meaningful integrity defined by the matrix of valuative interpretation (valuativ). This matrix is defined as collective social subject's interpretative activity model. Particular attention is paid to the language which the subject of collective consciousness publicly "speaks", the syntax of such a language is set, an analytical

splitting the evaluations themselves and their objects is carried out, while for the subject of the valuativ, these objects, the author emphasizes, are not thought separately from the evaluations in the valuativ. The semantics and pragmatics of the valuative language sets the rules for valuative interpretation, and these rules link evaluations with the objects of evaluation. The communicative function of the valuativ is determined. The destructive potential of the polarity of evaluations within one society is noted. The valuativ of a Crimean is analyzed as an example of a polyvaluative meaningful and communicative space being a referent for Russian society as a whole.

Keywords: *collective consciousness, evaluative interpretation, valuation matrix, valuation of a Crimean, polyvaluation society.*

References

1. Husserl E. Kartezianskie meditacii [Cartesiansche Meditationen] // Izbrannye raboty / Comp. V. A. Kurennoy. Moscow: Publishing House «Territory of the Future», 2005. (Seriya «Universitetskaya Biblioteka Alexandera Pogorel'skogo»). Pp. 377-442. (In Russian).
2. Simmel G. Ekskurs o chuzhake [Exkurs über den Fremden] / Trans. by A. Filippov // Sociological Theory: History, Modernity, Prospects. Almanac of the journal «Sociologicheskoye Obozreniye». St. Petersburg: Vladimir Dal Publ., 2008. Pp. 7-13. (In Russian).
3. Schütz A. Chuzhoj. Ocherk social'noj psihologii [Ein sozialpsychologischer Versuch] // Smyslovaja struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sociologii / Comp. A. Ya. Alkhasov; Trans. from English by A. Ya. Alkhasov, N. Ya. Mazlumyanova; Scientific translation ed. G.S. Batygin. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 2003. Pp. 191-206. (In Russian).
4. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti [The Social Constructing of Reality]. M.: Academia-Centr, Medium, 1995. (In Russian).
5. Waldenfels B. Otvet Chuzhomu: osnovnye cherty respozivnoj fenomenologii [The Response to the Alien] // Motiv chuzhogo / Scientific ed. A. A. Mikhailov; responsible ed. T. V. Shchitsova. Minsk: Propylaea, 1999. Pp. 123-140. (In Russian).
7. Korotchenko Ju.M. Valjuativnye modeli social'nogo: geroi i cennosti [The Valuative Modeling of Reality] M.: INFRA-M Publ., 2018.

Korotchenko Yuliya M. – DSc in Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.